

А.В. Гижя
к. филос. н., доц. кафедры философии
Донецкого национального технического университета

Возможность идеологии будущего

Предметом исследования являются вопросы формирования новой идеологии как общецивилизационного рационального культурного текста, несущего необходимые смыслы и символы, необходимые в деле становления общества будущего. Её логика и предполагаемые способы действия вытекают как из факта исторической исчерпанности ведущих идеологий XX столетия, так и из неудовлетворительности существующих попыток выхода, привлекающих для своего фундирования религию, мифологию или, в лучшем случае квазинаучные и технократические постулаты. Для решения поставленной задачи требуется определить действительную логику формирования идеологических воззрений и их возможных альтернатив. Ведущим методом работы является историческая ретроспекция в контексте проведения понятийной деконструкции рассматриваемых концептов. Его результативность определяется достигнутой конкретизацией (содержательной редукцией) используемых знаков (имен). Основными выводами являются положения, что новая идеология должна стать метаидеологией, принципиально иным проектом по структурированию общественного сознания по сравнению с формами индустриальной и постиндустриальной эпох. Показывается, что прежняя логика формирования ведущей типологии общественно-политического дискурса в форме идеологий исчерпала понятийно-суггестивный ресурс базовых формулировок. Метаидеология относится не к слоям населения, а к внутреннему человеку в каждом индивиде. Она не стоит в отрыве от общей традиции формирования идеологий, но преодолевает ограниченность их исторических форм, касающейся, прежде всего, растущего разрыва деклараций и реальности.

Ключевые слова: идеология, метаидеология, гуманизм, свобода, природа человека, онтология, прогресс, мифология, чистое явление, отчуждение.

Последние двести лет цивилизационного развития/стагнации евроатлантической и славяно-русской конгломераций прошли под знаком выработки, доминирования и угасания нескольких ведущих идеологических форм общественного сознания. К ним относится также и возникающее эхо новой догматики, массовые мировоззренческие обертоны – распространившиеся умонастроения, предчувствия, типы поведения, суждений и убеждений. Нигилизм, сверхчеловек, технократизм, сциентизм, а сейчас добавилась архаизация – все это основные способы выработки и внесения жизненного смысла в повседневность для так называемого «образованного слоя», для людей, задающихся, нередко тщетными, вопросами о сущем. Тщетность определяется праздностью вопрошания, единственная цель которого состоит в стремлении выделиться из общей массы, ведущего лишь к усилению эго.

Идеологичность обществ означает сознательную регуляцию их существования путем утверждения политического проекта, выработанного интеллектуально-властными кругами и данного, чаще всего, в неких

канонических текстах. В этом факте сказалась общая тенденция исторического развития, проявившаяся в качественном росте, начиная с Нового времени, компоненты собственного, естественного общественного управления, т.е. рационально продуманного и с ответственностью за сделанное, без ссылок на волю бога или богов, на иные сверхъестественные причины или неподвластный фатум. История десакрализуется и постепенно прибирается к рукам, ставится на службу господствующему классу собственников или же делается попытка – в идеологии коммунизма – научного управления ею в интересах всего общества, ставшего бесклассовым и предельно регулятивным.

Сейчас, в начавшемся XXI веке, имея за плечами большой исторический опыт, выветливший тайные механизмы власти и позволяющий давать взвешенные и объективные сравнительные характеристики принципиально различным государственно-политическим структурам, их бытию и степени зрелости, оценивать их судьбы как в исторической ретро-, так и в перспективе, мы должны быть способны к действительному осознанию этого опыта и к ответу на вопрос об истинностном цивилизационно-культурном прогрессе, его направленности, критериях, возможности, степени гуманистичности. Соответственно, нельзя обойти при этом главную тему – сущность и существование как отдельного индивида, так и специфику его общественного типа в целом. Должна также быть понята цена прогресса. Это позволит определиться и с его истинностными критериями.

В вопросах прогрессорской тематики в *бытийном плане* основной звучит, безусловно, тема человека. Она окончательно вышла на проективную стадию и полностью определяется формой достигнутого исторического сознания всех уровней социальной организации, от народов и сверхобществ до отдельного повседневного субъекта. Эти уровни сочетаются в определенной результирующей, являющейся содержательной характеристикой преимущественной направленности исторических процессов и их толкований в социуме. Впрочем, не следует преувеличивать степень системности и взаимной корреляции социальной связности. Ее согласованность лежит в широком диапазоне от единицы (предельная связь единичного и общего или уровней существования) до почти нуля – при разбалансировке управления и низовой активности.

Отметим, что в плоскости онтического – наглядной и ближайшей стороны бытия – тема человека ставится лишь для прикрытия. Она расцвечена стилистикой заботы о человечности, пронизана уважением прав и достоинства индивидов, но все это происходит лишь в области политической демагогии. Нынешняя общественная риторика не имеет предметности, она принципиально поверхностна, это чистое явление, но, впрочем, не разорвавшее связь с сущностью. Сущность чистого явления есть указание не на обычное значение произносимых слов и речей – эти значения только номинальны, а понимается как интенция на вечное недоговаривание,

перевернутые смыслы, двойные стандарты, двуличие как ее обязательную подоплеку. Фактически, чистое явление представляет специфическое внесущностное образование. Или, если сказать иначе, это явление с приписываемой, вариативной сущностью. Сложность в том, что онтическое составляет визуализацию реальности, это меняющаяся картина сущего, воспринимаемая, однако, многими буквально. Чистое явление выступает как чистая видимость, но видимость активная, создающая эффект мультипликативной картины мира.

Погруженность в мир чистых явлений дает два результативных варианта. Один образует замкнутую сферу непроницаемой обыденности, неизменной и принудительной. Ее замкнутость покоится на инструктивной формализации всех действий субъекта, принимающего такой мир как объективно данный соответственно собственной способности и силе сознания по распрямлению смыслов. Эти смыслы и существенное содержание уже даны в готовом виде таким образом, что необходимое встречное духовно-интеллектуальное движение индивида оказывается настолько минимальным, насколько это возможно. Тем не менее, оно есть, что позволяет говорить о «собственном мнении». Утвердившееся же формальное политическое равенство и выращенное самомнение индивидов подсказывают им, что все мнения по меньшей мере равноправны. Так специфически понятное равноправие получило обозначение толерантности. Это одна из характерных черт массовой идеологии коллективного Запада, свидетельствующая о конце действительного диалога, о равнодушии к вопросам серьезных истин под прикрытием мнимого внимания к собеседнику (собеседник также коллективен) и столь же фальшивого допуска иной точке зрения. Всякая точка зрения, существенно затрагивающая проблемы онтологического стояния, тонет в небрежении формулировок, в плоских рассуждениях с прагматическим целеполаганием и вообще всячески нивелируется экспертно-аналитическим сообществом как ненужная и неverifiedируемая метафизика.

Второй результативный вариант заключается в реализации возможности выхода в бытие имен вследствие чрезмерного деформирующего напряжения, испытываемого природой индивида как такового, как человеческого существа, как носителя человечности. Как раз сильнейшая степень отчуждения, вышедшая на этап переделки собственно онтологии, способна пробудить спящую природу и тогда она включится в человеческую деятельность, проявит себя как фактор неотчуждаемой свободы и самодействия вопреки обстоятельствам. Так осуществляется один из часто цитируемых Хайдеггером принципов бытия – там, где гибель, там и спасение.

Таким образом, все жалобы на «этот жестокий мир», на «такое сейчас время» и прочие пустые отговорки должны быть волевым образом отброшены. Жалующийся, расписывающийся в бессилии, смиряющийся и только лишь уповающий на чудесное вмешательство неких высших сил

индивид без приложения усилий только усугубляет собственную несвободу, оставаясь потерянным, замкнутым и страдающим бездеятельным субъектом.

Пронизанность и насыщенность нынешнего глобального социального бытия эффектами чистой явленности не только ставит перед нашим современником сложнопреодолимые препятствия, но и одновременно необычайно мотивирует их преодоление, позволяет рассмотреть их внимательнее, сделать историческое и личное действие более искусным, а сознание обогатить несравненным бытийным опытом. Такое сознание разоблачает привычную сложившуюся мировоззренческую догматику, ходячие внушаемые «истины», пересматривает и перепроверяет, в соответствии с выверенной методологией истинностного познания, всю картину мира. Здесь надо удержаться от простого перевертывания имеющихся смыслов, от «зряшного отрицания», от новой формы нигилистического отношения – только уже не к религии, а к самой науке. Между тем, такие настроения в обществе мы наблюдаем. Истины научного познания нередко слишком легко отбрасываются, подвергаются необоснованному сомнению, а саму науку подталкивают на некий «синтез» с иными формами общественного сознания – религией, мифологией, эзотерикой. Результатом такой нигилистической нивелировки науки будет не синтез знаний на более высоком уровне, а лишь невнятная крошка обрывочных и невежественных мнений. Соответственно, в историческом плане новый невнятный субъект окончательно будет заморожен укорененной бестолковостью, и его онтологическая переделка хищническими силами истории получит статус новой бытийной основы.

Принцип гибели и спасения останется при этом в силе, но все усугубится именно гибелью многих и напрасными жертвами на пути возврата с позиций трансгуманизма к реальным отношениям человеческого, а не навязанного, бытия.

Не так просто ответить на вопросы по точной формулировке основных положений идеологии будущего, но некоторые критические оценки, которые имели бы статус фактичности, привести вполне можно.

Прежде всего, это касается распространившегося явления общественных настроений – дело до мысли здесь не дошло – претендующих на прояснение наиболее оптимального будущего социального мироустройства. Определяющим маркером в данном случае служит общая архаичность предлагаемых решений. Их истоки ищутся в прошлом, и такую пагубную близорукость можно наблюдать уже в русской философии. Н. Бердяев видел в идеальном образе средневековья как раз те вершины духа, которые впоследствии были, как он полагает, утрачены [1]. Соответственно, будущее он представлял в форме нового средневековья, т.е. вполне антиисторически и антинаучно, или, как раньше точно говорили – реакционно. Нынешняя смутная рефлексия иных философов движется в том же направлении. Так, А. Дугин прямо формулирует не просто сомнительный

методологический априорный тезис о преимущественном значении традиций, но заостряет его в духе последовательного обскурантизма:

«...мы преданы Традиции. Все в Традиции прекрасно. Особенно то, что неразумно, непонятно, необоснованно... Традиция полна ослепительного солнечного бреда... Надо соблюдать все правила Традиции – особенно абсурдные» [5].

«Не только высшие сверхразумные символы Веры могут снова быть взяты на щит, но и те иррациональные моменты культов, обрядов и легенд, которые смущали богословов на прежних этапах. Если мы отбрасываем прогресс как идею, свойственную эпохе модерна (а она, как мы видим, закончилась), то все древнее обретает для нас ценность и убедительность уже потому, что оно древнее. Древнее — значит, хорошее. И чем древнее, тем лучше» [6, с. 65]. .

Анализировать столь радикальные, даже, точнее, иррациональные призывы к прошлому, к золотому веку былых тысячелетий бессмысленно. Они рождаются вне концептуальной рациональности, вне науки, вообще вне каких бы то ни было исторических апелляций и выражают всего лишь особую авторскую эстетичность, прорвавшую заслон и просветляющее воздействие понятийной работы разума. Ее рафинированность и нацеленность становятся доминирующими аспектами, подавляющими любую мысль. Это возврат в архаику мифов, в общество с вещающими жрецами и пифиями и благолепно внимающим народам, считающих Землю плоской и стоящей на трех китах. Но ради справедливости и философского итога отметим особую присущность подобных обскурантистских идей, рядящихся в одежды теоретичности, именно нынешней современности, либеральному постмодерну. Это его необходимое кредо, внутренний стержень – направленность к одичанию масс и деиндустриализации промышленности, происходящих в корреляции с виртуализацией самой личности. Соответственно этому, неоязычество и возрождаемое жречество никак не преодолевают негативных последствий эпохи индустриализма, модерна, а напротив, закрепляют самые обветшалые и темные его стороны.

Мы идею прогресса не отбрасываем, но полагаем семантически завершенной его нынешнюю форму постмодернистской инверсии. Эта идея стала неадекватной не в модерне, а именно в постмодерне. И не культура индустриальной эпохи отвечает за темные стороны прогресса, а хозяйственно-политический уклад, базирующийся на институте частной собственности и совершенно не стремящийся к общественному благу как основной цели производства.

В деле поиска оптимального и сравнительно быстрого по времени выхода из ситуации исторической деструкции, распространяемой и производимой глобальным миропорядком, требуется осознать серьезную познавательную проблему. Она заключается в философской проработке того факта, что существующий способ влияния на историю и общественное развитие должен быть изменен. А. Дугин резонно отмечает, что основные

идеологии XX века – либерализм, нацизм и коммунизм – свой действенный потенциал утратили. Это не означает, что они канули в Лету, их знаково-символическое бытие остается неизменным – здесь мы не затрагиваем их сути и не даем оценок, хотя они могут быть сформулированы достаточно однозначно. Существующие идеологемы либо сеют хаос и деструкцию, либо молчат. Сейчас стоит другая задача, помимо бесконечного перелопачивания пошлого: что дальше?

А дальше можно двигаться в рамках прежних форм исторического воздействия и размышлять о новой прогрессивной идеологии, пытаюсь скомпоновать ее содержательность из осколков прежних программ и постулатов, «очищенных» от запятнавших себя элементов. В связи с этим, как вариант, реализуется тенденция поиска «синтеза» несопоставимых в сущностном отношении форм общественного сознания, например, религии и науки. О дугинских метаморфозах общей идеи уже сказано выше. Невозможно ни одну направленность, некритически-синтетическую, ни другую, архаизирующую рациональную способность познания, признать за годные попытки. Их возможная реализация будет означать просто крах истинностной формы познания и окончательное торжество инволюции.

Отчасти духовная атмосфера современности напоминает поиски эпохи столетней давности в России с ее оккультизмом, мистикой, предрассудками и салонным столоверчением.

Реальная, истинностная опора размышлений о будущем, о прорыве к нему может быть зафиксирована исключительно в интенциях науки и философии. Причем в тех пропорциях, в которых сами наука и философия служат делу именно обоснованного познания и просветленного разумом самопознания. Не все, что пишется под маркой научного или философского познания действительно есть наука и философия. Требуется еще каким-то необъяснимым образом вычленив истинно философское зерно в строительстве духовного пространства будущего.

Касательно сущностной черты модерна, который действительно характеризуется рядом особенных аспектов, надо взять не отдельную идею прогресса и пытаться с ней разобраться как с деструктивной силой, а выделить то, что лежит в основе исторических процессов, задает их масштабную направленность и специфику. Это, первое, изменение самого характера протекания истории. Возникает необходимость осознанного управления ею, история впервые поступает в полное распоряжение человека. Второе, понимание несоответствующего качества управления, заключенного в росте отчуждающего характера деятельности общественного субъекта.

Отчуждение, зафиксированное постулативно Марксом в «Тезисах о Фейербахе» и Ницше в максиме «Бог (боги) умер(ли)», будет продуцировать и развешивать лишь игровые и ложные картины действительности в политике, экономике и морали. Этот факт мы особо наглядно наблюдаем на протяжении последних примерно пятидесяти лет. Отсюда, в частности, следует, что попытка выстраивания вариантов идеологических конструкций в

прежнем ключе приведет ровно к прежнему же результату, т.е. к ничто. Творчество под репрессивным действием отчуждения превращается в креатив, его результатом может быть только муляж новых идей. Ницше мог бы в своей манере парадоксальной мудрости воскликнуть: «А достаточно ли стары эти идеи, чтобы обозначить новый путь человеку?». Но мы не должны попадаться на удочку «солнечного бреда» танцующего Заратустры и обольщаться мудростью прошедших тысячелетий. Каждое время требует своего ответа и собственного дела.

Прежняя логика формирования ведущей типологии общественно-политического дискурса в форме идеологий исчерпала понятийно-суггестивный ресурс базовых формулировок. Она имела внутреннее ограничение вследствие апелляции исключительно к ограниченному субъекту, всегда находящемуся в пределах доминирования внешних обстоятельств. Такой субъект всегда подчинен и манипулятивен, и все всплески его социальной активности лежат в строгих рамках дозволенных, весьма умеренных полномочий. В конечном счете из него вылеплен тип идеального потребителя который в пределе готов утилизировать весь мир.

Классические идеологии есть порождение индустриальной эпохи модерна с ее трансформированной, по сравнению с феодальными отношениями, предметной стратификацией. Последняя означает изменившуюся социальную наглядность – вместо сословий появились классы, имеющие столь же отчетливые, юридически и культурно установленные границы. Сословные разграничения освящены религиозными догмами, в особенности власть монарха. Классовые разделения осознаются через идеологические отношения. Этот генезис определен исторически, и его действие на наших глазах завершается. Желание возврата в старые, практически допотопные времена, в их мнимое благолепие вытекает из творческого бессилия и страха перед будущим, а не из заботы о настоящем. Чтобы заботиться о настоящем, надо быть в нем. Быть конкретным и собранным, целостным и внимательным. Много ли мы видим вокруг нас стратегической конкретики в суждениях и внимания к деталям, данным в системно-связном виде?...

Всем тем, кто призывает умерших духов византийской государственности или имперской России, или, например, черпает в белом движении гражданской войны некое вдохновение, должно задуматься: что стоит ныне за мишурой имперской геральдики и эстетикой золотых аксельбантов? Какую ведущую мысль хотят донести эти образы прошлого? Есть ли в ней жизнь? Какой проект будущего мы потеряли, а ныне хотим воссоздать?... Но ни о каком серьезном проекте нам не расскажут, помимо общих благостных повествований насчет потерянного рая. А эти маниловские мечтания протекают в области исключительно ленивых упований, когда не надо решать практические задачи и формулировать программу как текущих действий, так и на перспективу. История же либо направляется путем гуманистически-осознанной, рационально продуманной

деятельности, либо хаотизируется в прекраснодушном и бессильном идеализме современников, либо – ее течение подверстывается под золотомиллиардные интересы корпораций. Как показывает история манипуляций массами, господствующая деструктивная идеологическая сила легко ставит себе на службу все, в том числе и идеалистические мечтания.

Мы хотим преодолеть отжившие формы политических, ценностных, экономических и прочих отношений, сеющих цивилизационный хаос под видом глобального мирового порядка. Поэтому во весь рост встает проблема осознанности необходимых изменений, взятая таким образом, чтобы суметь затронуть души очень многих не в новом религиозном фанатичном экстазе, а в полном самообладании и решимости.

Метаидеология современности не может относиться ко всем слоям населения, как об этом предполагал А. Зиновьев [7]. Это прерогатива религий, которые на текущий момент приобрели превращенный, преимущественно ритуальный характер и заметно архаизировались. Процесс переноса субъектного акцента с религии на идеологические формы сознания начал происходить, по-видимому, со времен Лютера и Кальвина. Протестантизм отделился от собственно религии, имеющей внутренний опыт просветления и богопознания, и приблизился к установлению сакрализованной социально-трудовой стратегии повседневной деятельности. В ней много земного и предельно утилитарного, чему придано сокровенное взвешенное значение. По сути же, человеческое прочтение Библии, ее толкование так, как это мнится любому мирянину с его здравым смыслом и есть идеологизация религии. Протестантизм – это идеология в форме религиозной системы взглядов, квазирелигиозная идеология.

Метаидеология относится не к слоям населения, а к внутреннему человеку в каждом индивиду. Ее функция – восстановление человеческого начала в том онтологическом значении, которое в виде долга выражено в этике Нагорной проповеди и в понятии нравственного императива. Однако сейчас нет ни мессий, ни пророков, те же, кто является под их именами – суть шарлатаны. Опора идеологии на религию уже невозможна, а тем более - на бессознательное мифологическое начало.

Иного источника пробуждающей идейной силы в нашей культуре помимо философии и науки нет. Она, разумеется, не может просто копировать разработанные научные каноны общезначимости, поскольку результатом станет вариант марксизма-ленинизма в системе партучебы. Надо понимать при этом, что плох не сам марксизм-ленинизм как таковой, а чрезмерная степень абстракции и догматизма в реальной практике преподавания. История показала, что роли предателей и могильщиков советской власти на себя успешно примерили ее самые прилежные штатные «защитники», от секретарей низовых организаций, до включительно зав. отделом ЦК КПУ по идеологии (небезызвестный первый президент Кравчук, необычайно говорливый и на сей день). Эти злые шуты, таким образом, и

сами были порождением системы, и активно работали над ее упрочиванием. И все это лишь с целью личного обогащения и удовлетворения властью.

Есть реальная возможность избежать или, хотя бы, минимизировать ошибки советского периода, поскольку наше поколение и последующие – уже не первопроходцы, а пользователи, но все ресурсные закрома уже закончились. Приходится вновь решать задачи столетней давности, но уже есть громадный опыт вариантов и знание опасностей. Теперь требуется обратиться не к материальному ресурсу, а воспользоваться сокровищницей оплаченного сполна русской кровью уникального опыта рывка в будущее.

Научная идеология выступает как метаидеология, поскольку в ракурсе индустриализма научность легко вырождается в доктринерство, и мы неизбежно выходим за пределы попыток построения еще одной системы взглядов и принципов, ибо все они отмечены ветхостью.

Формирование метаидеологии современности возможно в единстве с наукой и философией. Ее первое отличие от предыдущих отработанных попыток – принципиальный адогматизм и открытость для диалога. Ее противники – сугубо политические оппоненты, ставящие вообще иные цели, как бы их ни камуфлировать достойной риторикой. В рамках диалогового сотрудничества, которое требует настойчивости в осуществлении, вся мишура слетит, золото же истины останется. Теоретизации метаидеологии не схоластичны, а доводятся до практического выражения и приложения. Для этого её ответы относительно дальних ориентиров должны отличаться открытой перспективностью, где верно выдержана общая направленность и ориентация на всемерное воплощение ценностей гуманизма.

Метаидеология не стоит в отрыве от общей традиции формирования идеологий, но является их пресуществованием, преодолением ограниченности их исторических форм, касающейся, прежде всего, остающегося и растущего разрыва деклараций и реальности. Предыдущие этапы оказываются частной, абстрактной и временной аппроксимацией реализации собственной «природы человека». Если такой «природы» нет, а возникают только некие вторичные констелляции переходного типа, сконструированные объективно складывающимися общественными отношениями, то индивид будет вечной игрушкой вещных сил, работающих на саморазвитие. Если такая универсальная природа есть, то возникают два варианта, о которых сейчас, в ограниченных рамках статьи, можно сказать только эскизно. Первый, негативный и пессимистический, свидетельствует, что искомая природа наиболее адекватно осуществляется в пределах эксплуатации человека человеком, в форме частной собственности на средства производства, недра и землю. В этом случае вся прошедшая история есть постоянная манифестация и растущее развертывание этой самой «универсальности». Второй, позитивный вариант, лежит в русле марксистского взгляда, полагающего предшествующую историю всего лишь предысторией, движущейся в пределах несвободы человека, подчиненного отчуждающим факторам социально-политической организации. Соответственно, действительная

свобода и подлинная история человека и общества наступит при установлении материальных, оформленных юридически условий возможности его действительного, свободного и творческого развития.

Понимая специфическую не предметность и не данность человеческого бытия, находящегося в состоянии сознательного, окультуривающего преобразования, речь о «природе человека» должна вестись не только лишь в плане «есть» ли она объективным образом, либо ее «нет». Это только абстрактная и начальная постановка вопроса, т.к. человеческое бытие не является темой научного исследования, и не относится к явлениям природного типа. Его действительное онтологическое обеспечение определяется решением задачи по воссозданию достойного и справедливого жизненного устройства, исходя из гуманистических норм всеединства мира, в котором нет места ни кастовой иерархии, ни эксплуатации, ни циничным калькуляциям в расходовании человеческого ресурса, ни двойных стандартов и где сам человек составляет главную ценность независимо от своего социально-культурного, национального и политического положения.

Литература

1. Бердяев Н.А. Новое средневековье / Н.А. Бердяев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1924_21.html
2. Гижа А.В. Идеология как метаязык отчужденного индивида / А.В. Гижа // Наука. Религия. Общество. 2013. № 3. С. 33-41.
3. Гижа А.В. Социально-знаковая суть идеологической формы сознания / А.В. Гижа // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 94–102.
4. Гончаров В.Н., Леонова Н.А. Мифологическое сознание в системе социального развития / В.Н. Гончаров, Н.А. Леонова // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2014. № 4. С. 47-50.
5. Дугин А.Г. Катехизис члена Евразийского Союза Молодежи / А.Г. Дугин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rossia3.ru/katehizis.html>
6. Дугин А.Г. Четвертая политическая теория / А.Г. Дугин // Профиль. 2008. № 48(603). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evrazia.org/article/795>
7. Зиновьев А.А. Идеология партии будущего / А.А. Зиновьев. М.: Эксмо, 2003. 240 с.
8. Котлярова В.В. Допарадигмальный характер аксиологии в предклассический период (от Средневековья до Нового времени) / В.В. Котлярова // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2014. № 5. С. 46-52.
9. Шамилева Р.К. Этика справедливости в современном западном обществе: идеология и социальная реальность / Р.К. Шамилева // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2014. № 6. С. 101-105.
10. Мансурова С.Е., Мамедов Н.М. Природа и сущность человека //

Философия и культура. 2014. № 8. С. 1092 - 1103. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.8.12469.

11. Фролова М.И. Деиндивидуализация как объект социально-философской рефлексии // Философия и культура. 2013. № 8. С. 1069 - 1076. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.8.9033.
12. Плютто П.А. О природе и классификации социокультурных иллюзий // Филология: научные исследования. 2015. № 1. С. 66 - 76. DOI: 10.7256/2305-6177.2015.1.14071.